

Kadangi daugelis darbo teiginių iliustruojami ne vienu antru, o didesniu skaičiumi pavyzdžių, tad ir atmetus tuos, kurie iš nepatikimų šaltinių pateikti netikra forma ar svarstomam reikalui nedera dėl kitaip įsivaizduotinos jų kilmės bei raidos, didžiama atvejų, reikia manyti, tinkamų pavyzdžių, remiančių tą ar kitą teiginį, liktų pakankamai. Kad knygoje neišvengta abejotinių, patikrinimo reikalingų dalykų, o vietomis aiškiai suklysta, daug pareina nuo autoriaus darbo objektyvių sąlygų. Šios studijos trūkumus žymiai lėmė bendroji lietuvių toponimikos, ypač jos šaltinių parengimo bei publikavimo, nepatenkinama būklė. Tačiau ir tokiomis sąlygomis išdrįšęs imtis plataus lietuvių toponimų tyrinėjimo, J. Princas gana detalai nušvietė nemažos lietuvių teritorijos gyvenamųjų vietų vardų transponavimo dėsningumus, patikslino tokio pobūdžio tyrinėjimų metodiką, išskėlė naujų ir įdomių bendresnio pobūdžio minčių, jų tarpe ir tokių, kurios galėtų praversti, tiriant slavų teritorijų substratinius baltų toponimus. Šiuo savo veikalu J. Princas tvirtai atsistoja kol kas dar apyretėse baltų toponimų tyrinėtojų gretose, ir reikia tikėtis, kad jų nepaliks nė ateityje.

V. Urbutis

О материале латышского языка в „Этимологическом словаре русского языка“ М. Фасмера

О ценности словаря, о громадном труде одного ученого — о „Russisches etymologisches Wörterbuch von Max Vasmer“ (I—III, Heidelberg, 1953, 1955, 1958) и о материале балтийских языков, широко в нем использованном, писал уже в 1961 г. А. Сабалаяускас (ЛКК IV 319—329). Он в своей рецензии коснулся в основном материала литовского языка. Зарубежные языковеды, как правило, литовский язык знают лучше, чем латышский, поэтому и примеры из литовского языка цитируются более правильно, чем латышские. Это наблюдается и в данном словаре. Так как в настоящее время словарь издается в русском переводе с дополнениями и уточнениями, то некоторые неточности и ошибки можно предупредить и исправить¹.

Автор словаря оперировал приблизительно двумя тысячами слов из латышского языка. В подаче фактов латышского языка и соответствующей литературы иногда наблюдается несоразмерность: наряду с богатством материала в одних словарных статьях (напр.: *sub voce osver, smējties; krest*) недостаточный минимум или отсутствие материала — в других (напр., *s. v. vorona, восьмой, изуть, тре-; блюдо, грех*). В послесловии автор, правда, указывает, что, беспокоясь об объеме словаря, он, например, из заимствований, которые вошли из русского языка в другие языки, приводил только более важные для истории языка. Но неужели, напр., *s. v. Псков* более важными являются балтоном. *Pleskau* и эст. *Pihkva*, которые там упомянуты, чем старое лтш. *Pliskava*, встречающееся уже в народной поэзии (см. BW 19281), которое там не дано, но которое гораздо больше соответствует др.-р. форме. Кажется, автору эта форма вообще не была известна (так же, как соответствующие указания К. Буги — см. RR II 224, 517). Напрасно занимают место словоформы без обозначенной интонации, если они приводятся рядом с такими же формами, но с обозначенной интонацией. Так, например, *dzīres* рядом с *dzīres s. v. жуп, ērkšķis — ērkšķis s. v. эпоха*. Лишними для этимологии

¹ Издание 2 томов словаря на русском языке (М. Фасмер, Этимологический словарь русского языка, I, II, Москва, 1964, 1967) приводит на мысль, что издатели, возможно, не ознакомились с рецензией А. Сабалаяускаса на немецкое издание, так как многие из его несомненно верных замечаний не учтены.

кажутся и такие параллели грамматических форм, как *devīts — devītais* s. v. *девятый*, *dzēluonis — dzēluons* (правильно с *ļ*) s. v. *жалю*, *daūdz — daudzi* s. v. *дужий* и др.

Эта несоразмерность и еще некоторые другие легко устранимые недостатки (неодинаковая подача глагольных форм², неоднородность фонетической транскрипции) заставляют вспомнить о тех трудностях в работе над словарем, о которых в предисловии упоминает сам автор: о гибели манускрипта, об отсутствии нужной литературы и т. п.

Чувствуется, что кое-где автору не хватало и латышской литературы, особенно этимологических заметок Я. Эндзелина, которые М. Фасмер никогда не игнорирует (вообще, в словаре имеются указания даже на публикации неверных этимологий). И в новом русском издании словаря (в двух имеющихся томах) не всегда даются ожидаемые дополнения, и, действительно, пока нет собрания сочинений Я. Эндзелина, трудно собрать его высказывания, разбросанные по изданиям различных стран за шестидесятилетний период. Вот некоторые примеры:

1) S. v. *бук I*, *девянство* и *смерть* не указаны для этих слов этимологии, данные Я. Эндзелином в *Lingua Posnaniensis* I (1949) 3–4 и III (1952) 112, s. v. *одолесть* -- в *FBR* VII (1927) 73, s. v. *полость* — в *FBR* VIII (1928) 5, s. v. *правда*, *вражда* — в *FBR* XVI (1936) 24.

2) S. v. *Корсь* — в пользу балтийского происхождения данной основы (против финского происхождения, выдвигаемого Кеттуненом в *Livisches Wörterbuch* 1938 г.) приводятся публикации Эндзелина в 1912 г. и 1925–1927 гг., но нет его рецензии на самый словарь Кеттунена, опубликованной в 1939 г. в *FBR* XIX 216–218, где Эндзелин (стр. 217) опровергает выдвинутые автором словаря аргументы (их меньше на стр. 167, указанной в словаре М. Фасмера, в основном же на VIII стр. введения).

3) S. v. *гора* указано на существующее этимологическое объединение этого русского слова с лит. „*nugarà*“, однако с предупреждением (т. к. автор отсылает к одной, правда, ранней статье К. Буги): „Zu lit. *nugarà* 'Rücken' vgl. aber Buga RFV 67, 239.“ — К. Буга же уже в 1912 г. 1. с. отвергает подобное объединение (исправляя литовское слово и в отношении акцента на *nùgara*), хотя не столь определенно и мотивированно, как спустя лет десять в *Kalba ir senovė* 259 (см. собр. соч. К. Буги — *RR* I 329, II 256). Еще десятью годами позже Я. Эндзелин, рассматривая данное объединение этимологий не только с формальной, но и с семантической точки зрения, отвергает его, называя это объединение „грубой ошибкой“ (*FBR* XI 208). В русском издании тоже нет дополнительных ссылок, причем предупреждение Фасмера в переводе ослаблено (очевидно, не заметили, что за лит. словом „*nugarà*“ нет запятой); при этом получилось, что упомянутое объединение этимологий р. *гора* и лит. *nugara* дано как возможное, указано лишь, что Буга другого мнения: „Ср. лит. *nugarà*, но ср. Буга РФВ 67, 239“.

В русском переводе оригинал неоднократно подвергался изменениям, часто напрасным и неверным, и к тому же без указания на эти изменения. Очевидно, предполагалось, что изменение вызвано исправлением какой-либо неточности, т. к. в предисловии (от редакции) говорится: „Исправление... неточностей в тексте „Словаря“ не отмечается никакими пометами“ (I 6). Напр.: s. v. *желна* ненужными являются внесенное в русское издание лит. *geltonás* (правильно *geltónas*) и изменение немецкого текста оригинала „...weiter gewöhnlich zu жёлтый 'gelb' gestellt“ в русском переводе следующим образом: „...далее обычно сближают с лит. *geltonás* «жёлтый»“. М. Фасмер, видимо, думал (и правильно) так, как писал

² Напр., рядом с инфинитивом обычно приводится форма настоящего времени, а затем прошедшего, однако иногда наоборот (s. v. *локать* *lakt*, *laku*, *lūoku*).

по-немецки, и что видно, напр., из этимологического словаря Преображенского s. v. *желна* „... по цвету перьев. Суф. -но- для означения цвета. См. *желт.*“ И естественнее слово *желна* в первую очередь связывать с ближайшим русским прилагательным *желт(ый)*, чем отправлять к более отдаленному литовскому образованию. Соответственно Я. Эндзелин латышское слово *dzilna* (правильно с *l̃*, а не с *l*, как в обоих изданиях) связывает с лтш. прилаг. *dzēlts* „gelb“ (МЕ I 550). К. Буга (1913 г.) в цитируемом Фасмером РФВ 75, 156 дал дополнение к словарю Преображенского, и позднее (1918 ?) он еще высказался подробнее: „Сл. *žbltъ*, *жолтый* Пр I 226 : жем. *gēltas*, аукшт. *gēltōnas* = лтш. *dzēltāns* «жёлтый»“ (RR II 684).

Другой пример. — S. v. *копа*, приведенное среди родственных (*unverwandt*) слов латышское слово *kaps* „Grabhügel (могила)“ неправильно дополнено значением „60 штук“; это значение омонима — слова другого происхождения (заимствованного). См. МЕ II 159 (не 160, как неверно дано в обоих изданиях) I *kaps* и II *kaps*, т. е. 167 *kapa*.

Вообще же нужно сказать, что то, что говорится в предисловии от редакции к русскому изданию, а именно: „проверялось и написание нерусских примеров (или же подчинение их современным нормам написания), а также правильность ссылок“ (I 6), к материалу латышского языка почти совсем нельзя отнести.

Ошибки и непоследовательность в написании латышских примеров оказались перенесенными и в русское издание, где можно найти все ненужные варианты фонетических знаков; причиной этому в немецком издании являются как разные недоразумения, так и сложности при печатании. Здесь же к ошибкам немецкого издания присоединились и новые, напр.: s. v. *зевать* *zāvāt*, *zāvas* (в немецком оригинале правильно — с *ž*-), s. v. *журавль* *gaŋnis* (в оригинале правильно с прерывистой интонацией *gaŋnis*) и др. В тексте, которым дополнена в русском издании словарная статья s. v. *жир*, слово *vairs* „крупный“ надо было писать хотя бы под звездочкой, так как такое прилагательное фактически не встречается; оно только предполагается (см. Я. Эндзелин, *Bezenbergers Beiträge XXVII* 316). Много ошибочно напечатанных форм имеется уже в немецком оригинале. Приведу некоторые примеры (кроме упомянутых уже А. Сабаляускасом): s. v. *верну* неправильное *vērpu*, *vērpt* (нужно *vērpi* наст. вр., *vērpt*), s. v. *враць* *vārd*s (нужно *vārd*s), s. v. *дрочить* *dracitiēs* (нужно *dracitiēs*), s. v. *клевать* *klut* (нужно *kļūt*), s. v. *сельга* и *сельдь* *silke* (нужно *silķe*, точнее *silķe*), s. v. *сконец* *škeps*, *škepele* (нужно *šķēps*, *šķēpele*); s. v. *гоголь* дано: „lett. *gegals*“, но это не латышская, а древнепрусская форма (взятая, очевидно, из словаря Вальде-Покорного). Эти ошибки бросаются в глаза каждому знающему латышский язык.

Много недостатков и в фонетической транскрипции. Диакритические знаки (напр., для обозначения *e*-открытого, мягких согласных, интонаций) используются непоследовательно и неединообразно. Например, иногда открытое *e* обозначается правильно как *ē* (см., напр., s. v. *безмен* — *bēzmēns*, *vēzmēns*), иногда же обозначается как носовое *e* — *ē* (или еще по-иному, см., напр., s. v. *дреговичи*), очень часто знак под буквой вообще отсутствует (см., напр., s. v. *ведро*), что способствует неразличению словоформ, напр., форм настоящего и прошедшего времен.

Знак смягчения согласных иногда находится *под* соответствующей буквой, а иногда *над* буквой (напр., в списке слов 3, 547 слова *blūksķēt*, *blūksķis* написаны с *ķ*, а s. v. *бюзгать* — с *ķ*).

Как известно (уже из исследований Я. Эндзелина), латышский язык своей интонационной системой (3 вида интонаций) иногда может дать индоевропеистике сведения, которые уже нельзя извлечь из литовского языка; поэтому в индоевропейской акцентологии латышские интонации имеют самостоятельную ценность. Кроме того, сохраненные в древних

латышских заимствованиях интонационные различия свидетельствуют о соответствующих явлениях и в древнерусском языке. Поэтому так неприятно видеть многие недостатки и ошибки в обозначении этих интонаций.

Наименьшее зло при этом представляет непоследовательность в употреблении интонационных знаков, если это не вызывает недоразумения у специалиста. Напр., для обозначения долгого гласного с нисходящей интонацией перед следующим в том же слогe носовым или плавным употребляется горизонтальная черточка — знак долготы со знаком грависа (˘) над нею (ср. правильное обозначение s. v. *сорочка* — *svārk̄s*). Иногда же вместо правильного обозначения употребляется стрелка (>) над гласной, которая в русском издании иногда правильно заменена соответствующим обозначением (s. v. *мереча*), но иногда эта стрелка сохраняется (s. v. *кнороз*) или неправильно заменяется знаком прерывистой интонации (ˆ), как, напр., s. v. *корпаты* : *kārpīt* (нужно *kārpīt*).

Для обозначения прерывистой интонации вместо угловатого циркумфлекса (˘) иногда употребляется дужка (∩), которой в латышской диалектологии обозначается восходяще-нисходящая интонация, напр., s. v. *голова* *galva* вместо правильного написания *galva*; s. v. *кропуть* *krēpēt* вместо правильного *krēpēt* (неправильно напечатано и в *krēpēt* первом слогe *ē*). С другой стороны здесь же приведенное Фасмером слово *krēpas* не надо было в русском издании исправлять в „krēpas“ (см. ME II 273 *krēpas* и 275 *krēpa*).

Вместо знака грависа (˘), обозначающего нисходящую интонацию, иногда попадаетея знак акута (˘), которым в латышской диалектологии обозначается восходящая интонация в говорах; напр., s. v. *миг* — *āizmigu*, s. v. *брусника* — *brūklene*, s. v. *куковаты* — *kāukt* (нужно: *āizmigu*, *brūklene*, *kāukt*).

В дифтонгах и в сочетаниях дифтонгического характера интонационный знак иногда поставлен не над нужным компонентом; вместе с тем создается неправильное представление о количестве гласного, напр., s. v. *аруд*, *зверь*, *береза* : *arūods*, *zvērs* (с *ē!*), *bērzs* (правильно: *aruōds*, *zvērs*, *bērzs*).

Гораздо бóльшим недостатком является довольно часто имеющее место смешение извилистого и угловатого циркумфлексов — знаков длительной и прерывистой интонаций (˘ и ˆ), напр., s. v. *лопата* *lāpsta* (правильно *lāpsta*), s. v. *краду* *krāju* (правильно *krāju*, см. ME II исправление ошибок); s. v. *колоты* *kūlt*, *kaļt*, s. v. *зять* *znuōts*, s. v. *корста* *šķiřsts*, s. v. *орябь* *iřbe*, s. v. *отворуть* *atvērt*, s. v. *маты* *māte*, в русск. изд. *māte*; правильно: *kūlt*, *kaļt*, *znuōts*, *šķiřsts*, *iřbe*, *atvērt*, *māte*.

Иногда интонация даже не обозначена там, где нужно и возможно (я не говорю о случаях, где ее трудно восстановить, или о словоформах типа *gans*, где нисходящая интонация обычна). Случается, что у долгого гласного отсутствует даже знак долготы (имеющей фонематическое значение в латышском языке), напр., s. v. *ворот* *varti*, s. v. *рак* *erce*, надо: *vārti*, *ērce*. Вместе с тем латышские примеры теряют свое специфическое значение рядом с литовскими.

Иногда знак интонации, тоже фонематического значения, отсутствует в русском издании, напр., s. v. *жить* *dzit* „заживать“, в немецком оригинале *dzīt* (в отличие от *dzit* „гнать“), s. v. *кресло* *krēsls* в нем. ориг. *krēšls* (в отличие от прилаг. *krēšls* ME II 276).

Ошибки подобного рода большей частью возникают в результате опечаток. К самому же автору словаря, пожалуй, можно отнести упрек, который Эндзелин адресовал уже словарю Вальде-Покорного, рецензируя его в FBR XI 206—208, а именно, по поводу того, что самовольно отброшено маленькое ² за латышскими словами западных говоров с ˘ и восточных — с . Эндзелин I. с. говорил, насколько это вредит делу, и на конкретном

примере показал, как это мешает установлению этимологии слов. В словаре Фасмера такое² отброшено, напр., за словами *dirva* s. v. дырван, *žavāt* s. v. зевать; *vārsmis* s. v. ворох, *dzīras* s. v. жир, *Kuīsa* s. v. Корсь, *neī* s. v. ни, *pūri* s. v. пырей и др. Правильнее в данном случае было бы, отбросив такое², отбросить также интонационный знак и писать, напр., *pūri*, как сделал Э. Френкель в своем этимологическом словаре литовского языка, т. к. в подобном написании нет хотя бы повода к ошибке.

Не мешало бы пересмотреть и переводы значения слов: среди них есть ошибочные и перепутанные. Напр. s. v. *govydo* лтш. *gūovs* следует перевести как „Kuh (корова)“, а не „Rind“ (в русском изд. „крупный рогатый скот“), последнее нужно отнести к обоим следующим древнеиндийским словам. S. v. *gnat̃* к лтш. *dzeņu, dzit* неверно отнесено значение „wehre“ и „защищать“. Правильно было бы „treiben, jagen, гнать“. То же со словами *bēgt, drāugs, turēt* (s. v. *бежамь, друг II, творить*) и некоторыми другими, которые получили значение приведенных рядом слов из других языков. Для слова *škir̃sts* s. v. *корст* не годится значение „могила“; слово *šaiju* (s. v. *совать*) значит и „schieße“; *aumanis* (s. v. *уIII*) ни в коем случае не может быть „von Sinnen“, скорее „sinnlos“; *drudzis* (s. v. *дрожь*) надо переводить „Fieber“, а не „kaltes Fieber“ („перемежающаяся лихорадка“). S. v. *луч* литовское прилагательное *laiūkas* (= лтш. *lāuks*) „blässig“ в русском издании переведено как существительное: „животное, имеющее белое пятно на лбу“ (так следовало бы перевести лит. *laiūkis*, лтш. *lāucis*). И *dzilna*, и *dzenis* (s. v. *желна, жало*) переведены как „дятел“, хотя это разные птицы (одной породы).

Русский перевод словаря М. Фасмера, несомненно, надо приветствовать, так как этот капитальный труд становится широко доступным. Большую ценность этот словарь представляет и для балтистов. Но очень желательно, чтобы русское издание было бы тщательнее подготовлено.

Р. Грисле